

В. В. АНДРЕЙЧЕНКО, аспирант БГУ

ДНЕПРО-ДВИНСКИЙ ТОРГОВЫЙ ПУТЬ И ВИТЕБСКО-СМОЛЕНСКИЕ СВЯЗИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

Днепро-Двинский торговый путь, связавший древнерусские княжества с Северной Европой, играл заметную роль уже на ранних этапах русской истории. Возникновение в Прибалтике в начале XIII в. сначала Рижского архиепископства, а затем Ливонского ордена привело не только к утрате русского влияния на восточном побережье балтийского моря, но и к активизации западноевропейской торговли по Западной Двине и Днепру вплоть до Смоленска.

Отражением отмеченного процесса стали дошедшие до нас русско-ливонские соглашения. Все они, начиная с договора смоленского князя Мстислава Давыдовича 1229 г., являются важными историческими источниками, поскольку несут информацию не только об экономических связях русских земель с немецкими городами, но и о политической ситуации в Восточной Европе, в частности, о взаимоотношениях Витебска и Смоленска.

В документах XIII в. только однажды встречается имя витебского князя. К витебскому князю Михаилу Константиновичу направлена грамота «от ратманов ризких и от всех рижан», в которой перечислены «обиды», нанесенные немецким купцам витебским князем и указывается на несоблюдение им прежних соглашений¹. Текст грамоты свидетельствует о тесных связях между Витебском и Смоленском. Последний упоминается в качестве конечного пункта немецкой торговли.

Путь в Смоленск проходил по Западной Двине, затем по Каспле и далее через волоки, где одной из опасностей были нападения литовцев. «Литовская рать» упоминается и у самого Витебска. Весьма вероятно, что какие-то литовские отряды находились на службе у витебского князя, поскольку задержанные «литвой» на пути из Витебска в Смоленск купцы были затем доставлены обратно в Витебск и там уже ограблены.

Грамоту рижан к Михаилу Витебскому следует сопоставить с грамотой рижского архиепископа к смоленскому князю Федору Ростиславичу Черному². В ней сообщается о жалобе, в которой уже витьбяне обвиняли перед брянским князем рижских купцов. Упоминаемого в этой грамоте Гелмика можно отождествить с Гелмиком «из Миштеря» (т. е. Мюнстера), находившегося среди немецких купцов, подписавших подтвердительную грамоту Федора Ростиславича от 18 мая 1284 г.³. Тот же Гелмик известен и по грамоте рижского архиепископа Иоанна II, датированной около 1286 г., в ней отмечено, что этот купец тоговал по Двине еще при ливонском магистре Эрнсте фон Рацебурге (1273–1279), архиепископе Иоанне I (1274–1285) и литовском князе Тройдене (ок. 1270–1282), т. е. между 1274 и 1279 гг.⁴

Обе грамоты, сообщающие о напряженной обстановке, сложившейся вокруг русско-ливонской торговли, скорее всего следует датировать серединой — второй половиной 80-х гг. XIII в. Причем, вторая из грамот явно указывает на какую-то зависимость Витебска от смоленского князя. Чтобы определить степень этой зависимости, следует вспомнить, что отцом Михаила Витебского назван некий Константин. Константин Полоцкий известен как русским, так и западным документам. Он упомянут в булле папы Иннокентия IV 1254 г. и булле папы Урбана IV 1264 г.⁵ как русский князь, передавший Ливонскому ордену какие-то земли. Из грамоты князя Герденя, датированной декабрем 1264 г. выясняется, что Константин передал рыцарям Латыгольскую землю⁶. Об этом пожаловании орденские власти вспомнили через сто лет, когда в конфликте с рижским архиепископом настаивали на том, что замок Розитен (совр. Резекне) передал Ордену Константин Полоцкий «полным правом»⁷. Новгородская первая летопись также знает князя Константина (под 1262 и 1268 гг.) и называет его зятем Александра Невского⁸.

Если считать вслед за А.В. Экземплярским этого Константина сыном смоленского князя Ростислава Мстиславича⁹, то тогда следует признать, что на полоцком и витебском столе он оказался не без

помощи своего тестя Александра Невского. Дело в том, что, во-первых, уже отец Александра, Ярослав Всеволодович, оказывал влияние на замещение смоленского стола, а во-вторых, Александр Ярославич, женившись на полоцкой княжне, дочери князя Брючислава, по-видимому, после смерти своего тестя (при отсутствии у него сыновей) мог распоряжаться и Полоцкой землей.

Однако на Полоцк и Витебск имело виды и молодое Литовское государство: сообщениями о литовских набегах на смоленские и новгородские земли в первой половине XIII в. буквально пестрят летописи. Только после новгородско-литовского договора 1262 г. литовская угроза несколько ослабевает, а у Новгорода в качестве союзника появляется полоцкий князь Товтивил. Константин Ростиславич, по-видимому, сохраняет за собой Витебск. Однако ненадолго, т. к. после гибели Миндовга, а затем и Товтивила Полоцк и Витебск объединяются под верховной властью великого князя литовского. Константин в Витебск все же вернулся, и произошло это, по всей видимости, после смерти в Литве Войшелка (1268 г.). Какое-то время он правит и в Полоцке. На это указывает «Наказание», или «Поучение» тверского епископа Симеона, адресованное полоцкому князю Константину Безрукому. «Наказание» обычно датируется периодом занятия Симеоном тверской кафедры (1271–1289 гг.), но поскольку в Симеоновской летописи отмечено, что Симеон прибыл в Тверь из Полоцка, то можно датировать «Наказание» и более ранним периодом, а повторное княжение Константина в Полоцке поставить под сомнение.

Когда Михаил сменил своего отца на витебском столе, неизвестно. Федору Черному, ставшему смоленским князем в 1280 г., он приходился племянником. Если признать, что и брянским князем в это время был племянник Федора Александр Глебович, то станет ясно, что Витебское и Брянское княжества, будучи самостоятельными политическими единицами, тем не менее, находились в орбите смоленской политики.

Таким образом, следует признать, что процесс инкорпорации западнорусских земель в состав Литовского государства носил длительный характер, а Смоленское княжество еще во второй половине XIII в. распространяло свое влияние на витебские земли, играя тем самым заметную роль в днепро-двинской торговле.

¹ Русско-ливонские акты. Спб., 1868. № 49. С. 25–28.

² Там же. № 34. С. 18.

³ Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963. С. 66.

⁴ Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebst Regesten (далее – ЛЕСУВ). Bd. I. Reval, 1853. № 507.

⁵ Ibid. № 269, 380.

⁶ Полоцкие грамоты XIII–начало XVI вв. Вып. 1. М., 1977. № 1. С. 85.

⁷ ЛЕСУВ. Bd. VI. Riga, 1873. № 2884.

⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 83, 86, 312, 316.

⁹ Экземплярский А.В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период. Т. 1. Спб., 1889. С. 38, 40, 339.